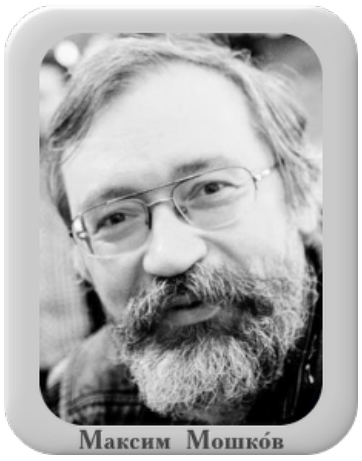
ОБ УСВОЕНИИ И О КОНЦЕ МІРОЗДАНИЯ

Очерк

Максиму Евгеньевичу Мошко́ву, с неизменно глубоким уважением.



«Die Welt dauert nur noch kurze Zeit!»

Платонизм определяет, что эволюция, как проявление Воли Творца, начинается с полагания иного и, значит, с отрицания полноты своего. Однако далее это иное приводится к повиновению Творцу посредством постепенного утверждения в ином сознания своей беспомощности в отсутствии Творца, как единственного, по существу, источника могущества (Das Macht). Иное таким образом усваивается Творцом, становясь для него своим иным, т. е. иное за счёт присущего ему особенного, только ему непосредственно и принадлежащего, ещё более увеличивает Власть (Die Macht) Творца. Но Творец не может не творить, т. е. не отрицать полноты (πληρωμ'ы) своего могущества, ибо какой же Он Творец, если не творит ничего не бывшего прежде? Так, следовательно, Воля волит Волю. Волит не только отрицая своё, но и утверждая своё иное, через утверждение особенного, как инаковости (целокупной множественности) такого иного.

В том-то и состоит главная ошибка мультикультуралистов всех времён и народов, что отрицая своё ради привлечения на свою сторону иного, они, по причине оскудения собственного могущества и, равно, по причине многочисленности иного, не могут усвоить это иное, не будучи в состоянии убедить его в неотменимости своего в качестве единственного источника могущества (Das Macht). Стало быть, мультикультуралисты иссякают в самоотрицании, не будучи в состоянии утвердить иное именно в качестве своего иного, т. е. усвоить его; своё в таком разе поглощается иным, во всей разъединённой множественности этого иного. Основная причина этого провала в том, своё да и иное тоже, воспринимается здесь по умолчанию как обезличенное, а не как то, что обязательно должно иметь обособленное, не-общее лицо, — ведь это лицо полагается за какое-то наносное, прислоняющееся, свойство, от которого всегда можно с лёгкостью произвольно отказаться ради общего блага. Мультикультуралисты наивно думают, что именно в безликости окончательно снимаются непримиримые противоречия. Да, они действительно снимаются в безликости, но только ценой смерти своего предмета в целом! Полная безликость творит в конце концов отнюдь не міры, но хаос. Ибо не умный мір есть верх безликости, но — сугубый, т. е. смысловой, хаос, так как именно в состоянии сугубого хаоса всё может непосредственно переходить во всё.

В настоящее время никто под Луною толком не знает, что именно из иного евро-атлантической цивилизации (вернее, её техногенному расхристанному остову) должно отмереть для того, чтобы данное иное могло наконец-то быть усвоено этой

цивилизацией, т. е. для успешного завершения глобализационного процесса в едином планетарном государстве. По-видимому, здесь усвоение будет брошено — в том, что касается подробностей! — на самотёк, с мало приятным для большей части человечества конечным результатом. Так как всемірный еврейско-англосаксонский олигархат, разумеется, не оставит попыток окончательно подчинить себе планету, даже если для этого потребуется уничтожить 90% её нынешнего населения, а остальные 10 превратить в управляемых по сути из вне биороботов. Намерение это совсем не ново, восходя, по существу, ещё к планам Ленина и Троцкого на міровую революцию, когда оно было высказано в слегка завуалированном и упрощённом виде. Так как завистливые полунищие, составляющие эти самые 90%, представляют собой самую большую угрозу грядущему всепроникающему міровому господству сего олигархата. (Не стану здесь распространяться об этом, поскольку о сущностной завистливости полунищих я уже достаточно написал в моём рассказе о прозаике Цыпине). С другой стороны, міровые олигархи сами, должно быть, надеются к тому времени стать машинами, точнее, целыми управляющими узлами-агрегатами на стыках других, в функциональном отношении куда более простых, т. е. более узкопрофильных, машин, добившись существенного расширения своих умственных способностей, посредством вживления себе в мозг дорогостоящего импланта-«экзокортекса».

В самом деле, не могут же они стремиться лишь к победе на планете какой-либо одной религии, в том числе и умеренного ислама. Ведь даже если исламу суждено когда-нибудь одолеть в головах западного человека индивидуалистический гуманизм, со всеми его ответвлениями от христианства, где этот гуманизм наименее проявлен, до троцкиствующего либерализма, ислам всё равно останется не более, чем халифом на час. Ибо религия может лишь внушить индивиду уважение к определённым надындивидуальным ценностям, но не в состоянии осуществлять всеобщий полицейский надзор, необходимый тогда, когда огромную часть общества составляют индивиды, хотевшие чихать на львиную долю надындивидуальных ценностей, ради того, что им и только им представляется целесообразным. К таковым антиобщественным индивидам относятся, в частности, разнообразные «городские сумасшедшие», коих в великом изобилии плодит чрезвычайно жёсткий ускоренный ритм жизни современного промышленного города вкупе с бурно развивающимися средствами передачи информации, а то, что человеческий разум стал слишком часто (сравнительно с прежними историческими эпохами), образно выражаясь, слетать в придорожную канаву со своей обычной колеи, не будучи в силах усвоить скорости, задаваемые порождённой им машинною средою и множа не только сумасшедших, но и так называемые (поистине несметные!) «ошибки человеческого фактора», свидетельствует о чуть ли ни лавинообразном нарастании противоречия между этой средою и человеческим разумом, снять которое не под силу eo ipso никакой религии или идеологии. И посему в корне неправ персонаж Мишеля Уэльбека, мусульманский конвертит, сорбоннский профессор Редиге́р, утверждая: «Только одна религия, (...) могла [бы] создать связное отношение между индивидами. Рассмотрим (...) связный граф, в нём все индивиды (вершины) соединены личными отношениями, но невозможно построить планарный граф, связывающий между собой всех индивидов вообще. Единственный выход — подняться на высший уровень, содержащий одну-единственную вершину под названием Бог, с которой будут связаны все индивиды; таким образом они будут связаны и между собой». Он неправ, ибо такое связное отношение может и должно быть осуществлено лишь в условиях ноосферного (выражаясь в терминах Владиміра Вернадского) общества, а в ноосферном обществе уже не будет, по «гамбургскому» счёту, иного индивида и иной нации, кроме самого ноосферного общества, включающего все разумные

существа планеты, точно также, как лишь пчелиный рой в целом, но не особь отдельной пчелы (если даже речь идёт о матке, как сосредоточении жизни улья) есть индивид пчелы во всей полноте сего понятия (ειδος'а). Короче, только предельно развитая ноосфера, будучи всеохватным и всепроникающим выполнением и понятия (ειδος'а) общества, и понятия машины (общем знаменателем этих двух понятий выступает понятие государства), и понятия разума (Vernunft), могло бы на деле, а не демагогически, выполнить мечту Йозефа Геббельса (тогда ещё штрассеровца!), заключённую во внешнем обличии национал-социалистического лозунга: «Без нации ты — ничто».

× × ×

Если посмотреть на пророчество «Откровения ап. Иоанна Богослова» о том, что пред концом міроздания «времени уже не будет» с точки зрения Александра Кожева, его трактовки гегелевской диалектики истории, — что оно означает? Оно означает, что после того, как Міровой Дух (Der Weltgeist) полностью осознает себя как Дух Человечества, т. е. как главный движущий смысл исторического развития человека в качестве мыслящего существа, ценностей, которые не осознавались бы как модусы (векторы) максимального действия, сиречь Воли к Власти, по большому счёту, не останется. Иначе из-за чего, чем дальше, тем большее число предпринимателей предпочитают производству, где необходимо терпеливо дожидаться, пока послезавтра оправдает сегодняшние рискованные вложения, — разнобразные афёры, дающие обильные плоды уже сегодня? Понятно, что непосредственной, сугубо объективной причиной выступает тут разробленность экономически уже единой планеты на многочисленные, более или менее суверенные, государства, где беглый аферист всегда может укрыться с кассой (если она достаточна весома в долларовом исчислении), ложно объявив себя банкротом, а, ещё лучше, борцом с коррупцией и тиранией, царящей у него на Родине. Глубинной же, по сути онтической, а не только гносеологической, причиною теперешнего взлёта аферизма, невообразимого никогда прежде, является лишь то, что вера в мір, изначально созданный Всевышним для удобства человека, к настоящему времени утрачена безвозвратно. Теперь верят лишь в то, что всякий должен взять у міра столько, сколько способен унести немедля. И если нужно что-то переделать к лучшему, то переделка это должна занимать как можно меньше времени. Верят, в сухом остатке следовательно, только в наличие на данный момент собственного «Я», изначально располагающего известной мерою могущества. Все остальные убеждения и ценности — суть продукт эмпирического и рационального знания, а не веры, как таковой. Тем не менее, без веры в абсолютные права так понимаемого «Я», самая основа эмпиризма и рационализма, а также покоящаяся на этих геракловых столпах западноевопейская концепция личности, неминуемо повисают в вакууме, грозя — не большее, не меньше! — полным обвалом всей западной онтологии (Макс Штирнер). Необходимо так же отметить, что этот крайне эгоцентричный взгляд на личность и её права, понуждая разум (Vernunft) балансировать на грани солипсизма, сильно мешает правильной оценке своего могущества и могущества противника (читай: «могущества неусвоенного иного»). Посему, при этом взгляде, посленим оружием, в случае сколь-нибудь серьёзного столкновения, наверняка будет, оружие массового уничтожения (бактериологическое, химическое, иль ядерное с обеднённым ураном — в данном контексте решительно всё рано), применение коего не влечёт, однако, за собою одномоментного уничтожения всего живого — слишком очевидного для здравого рассудка, чтобы тот решился на такое. Ибо не имея точного представления о наличной мере своего и чужого могущества, предпочтут ударить с многократным запасом. Потаённая агрессия (её непосредственной причиной выступает παθοφοβια), постепенно скапливающаяся в душе (Gemüt'е) обывателя из-за повсеместного

ускорения времени (о чём речь пойдёт чуть дальше), в итоге приведёт к власти психически не вполне уравновешенных правителей ультра-консервативного толка, а дальше маховик большой войны пойдёт раскручиваться уже по месяцам, а не годам...

«Смотрят барышни горделивые,
Улыбаются господа...
Ах, какие они счастливые
Пред падением в никуда!
(...)
Здесь в отчаянии не мечутся,
Здесь и сил, и надежд полны...
Только месяцы, только месяцы
Отделяют их от войны».
— *(Ю. Нестеренко).*

В самом деле, толпы бывших средних собственников, общее количество которых сокращающается, как шагреневая кожа, всё настойчивее скандируют: «Не обращайся с мольбой ни к кому, кроме цезаря!». Ибо лишь тот, кто метит в цезари (со всеми причитающимися сему статусу диктаторскими полномочиями) протягивает руку этим толпам поверх голов старой олигархической верхушки, повинной в обнищании средних собственников, обещая сурово наказать зажравшихся и заворовавшихся олигархов и, главное, создать новые социальные лифты для возвращения обнищавших в их преженее общественное положение. Став цезарем, он действительно довольно жёстко покарает наиболее наглых из олигархов, чьи преступления и баснословные кутежи на слуху у всех, кто мало-мальски интересуется политикой, вступив при этом во внегласный сговор с более осторожными, готовыми, в обмен на львиную долю от будущих доходов с войны, терпеть и даже субсидировать его самодержавие. Ведь вторую, главную часть своего посула (создание новых социальных лифтов) новоиспечённый цезарь не сможет выполнить иначе, как создав новые рабочии места под весьма разветвлённые нужды большой войны, — а она необходимо должна быть большой, ибо что, кроме большой добычи и большого дохода от продажи (частично из-под полы, разумеется) оружия всем воюющим сторонам, может окупить деятельность столь разветвлённой системы в предельно короткий срок? Ни какое естественно-научное исследовние, не говоря уж об исследовании чисто теоретическом, как таковое, даже если оно сопоставимо с большою войной по степени разветвлённости подготовительной деятельности, не может окупиться почти мгновенно по причине обилия в данной логической задаче неизвестных величин на пути к практически пригодному её решению. Где вы найдёте вкладчика под такие риски, тем более, в наши дни, с их непременным требованием быстрых денег?!

Потом (ежели вообще человечество выживет), сидя на руиах дотла сожжённых городов и на развалинах концлагерей, уцелевше интеллектуалы будут задавать себе и окужащим вопрос: «Отчего это мы большинством голосов избрали своими правителями «отморозков»? Типа: «Ах, зачем, ах, зачем / В эту бричку мы сели — / Мы ведь видели ясно, / Что кучер был пьян?»... Они, эти интеллектуалы, с большим трудом и, к тому же не вполне отчётливо, поймут в итоге раздумий своих, что пьяный задор «кучера» был принят отупелыми от страха пред угрозою нищиты толпами — впрочем, достаточно близорукими и до того — за решительность в борьбе с этою урозой, оттого, что люди более порядочные и умные не были решительны, погрязнув в мелких склоках друг с другом, поскольку в их головах эгоизм взял верх над разумом (Vernunft'ом). Затем они уразумеют, что тот же самый эгоизм (точее, эгоцентризм, гносиологической подоплёкою коего, так или

иначе, всегда выступает солипсизм) стал, в конечном счёте, основной причиной того неслыханного прежде аферизма, включая казнокрадство, что запустил процесс обнищания народа. Но сделать что-либо с этим корнем зла, т. е., в последнем счёте, с корнем боязни страданий (παθοφοβια) и, в частности, боязни нищиты, они снова не решатся, поскольку без него исчезнет всякая заинтересованность скудоумной обывательской личности в результатах собственного труда, а без этой заинтересованности любая экономика обрушится, как закономерно обрушилась экономика Советского Союза на излёте брежневской эпохи. И, наверняка, всемірное еврейство не имело бы той, воистину чудовищной, финансовой власти, которую оно заполучило в итоге закономерного развития міровой капиталистической системы, если бы деньги не были единственным средством преодаления разногласий меж враждующими группировками скудоумцев, которых всегда объединяла способность, из страха пред какой-нибудь реальной, а чаще надуманной, угрозой, продавать своё первородство не то, что за чичевичную похлёбку, — за понюх табаку. А таковую угрозу — если прежде только их с противниками не помирит целковый — они всегда выведут из самого факта наличия иного, чем у них, образа мысли, раздув, в своём возбуждённом воображении, могущество несогласной стороны до циклопических размеров. Джонатан Свифт слишком хорошо понимал: бóльшая часть людских дрязг, при ближайшем вдумчивом рассмотрении, не стоят бумаги, на которой оные дрязги зафиксированны. Как превосходно понимал он и то, что «сливки» с войн, в которые перерастают сплошь и рядом эти дрязги, снимают субсидирующие их наиболее ушлые финанансисты — от эпохи Оливера Кромвеля и Манассии бен Исраэля его отделяло чуть более сорока лет. «Не любите міра, ни того, что в міре; кто любит мір, в том нет любви Отчей, ибо мір есть (...) тлен» — пишет всё тот же ап. Иоанн. Вряд ли кто исполнил сей завет лучше Свифта — епископа Англиканской церкви в Ирландии. Так отчего же он спятил под старость, впав в самую чёрную мизанторпию? Не оттого ль, что никак не мого понять, в чём же конкретно проявляется для праведных любовь Отчая, т. е. почему Господь терпит так долго существование столь испорченного міра, где Его чада позволяют себе убивать ближнего из-за того лишь, что ближний начинает трапезу, разбивая не тот конец яйца, который разбивают при начале трапезы они сами? Но, в отличии от христианина Свифта, мы, чистые платоники, знаем, что Творец не может сам отказаться от своего творения, ибо не может прекратить творить. Творение, следовательно, должно изжить самоё себя изнутри, став сугубой нелепицею, сугубым хаосом. Не раз уже описанный мною и другими, порочный круг παθοφοβι'и таков: «[Поначалу] уменьшение страдания и увеличение беззаботности [бывает] естественной (...) целью общества и правителей, но потом [мало по-малу делается] единственной целью, а единственной основой закона — его извращение; и тогда, стремясь только к ним, неизбежно [огребают] их противоположности: максимум страдания и минимум беззаботности». Его можно растянуть, но нельзя разорвать вовсе, поскольку он есть имманентное следствие убожества внутреннего міра большинства людей. По меткому выражению немецкого философа Альфреда Боймлера, друга знаменитого Мартина Хайдеггера, «хаос начинается там, где воцаряется вера в гармонию без борьбы». Я бы добавил ещё: «и без ответственности». Сардоническое mot из интернета по поводу январского терраката 2015-го в редакции «Шарли Эбдо»: «Жабоеды не раз изображали муслимов в виде свиней... и плучили от них свинец». В самом деле, только человек морально впавший в детство из-за ставшей правилом безнаказанности, может, безо всякой объективной необходимости, играть с чувствами религиозных фанатиков, подобно тому, как неслух-дошкольник играет со спичками в риге с хорошо просохшим сеном. Здесь разум (Vernunft) жертв оказался зашорен солипсизмом и, следовательно, эгоцентризмом, ни чуть не в меньшей мере, чем

разум убийц — ваххабизмом[I]. Поскольку всякий ребёнок бывает солипсистом, пока не накопит подробного знания об окружающем міре. Впавший же в детство, соответственно, или вовсе утрачивает эти знания, или (в более вычурном случае) утрачивает почему-либо веру в их истиность. Последнее как раз и произошло с разумом западного человека из-за слишком длительного мира, который обеспечило ему обладание ядерным оружием. Ибо пытаясь разобраться в чём-либо по-настояшему сложном, но не обладая от природы глубокой способностью суждения, посредственность приходит или к полнейшему скептицизму, или к банальному суверию даже в отношении более простых вещей, поскольку разобрав свой предмет на отдельные части, всё равно не может постичь их связей в качестве целого; не поняв, идёт разбирать уже части на их составляющие, и так доходит до монолитной в своём понятии (ειδος'е), мельчайшей из частей, далее которой уже нельзя разобрать предмет, без того, чтоб окончательно утерять его из виду в качестве целого, — но и тогда не достигает вожделенного понимания связей. Разбирающий уподобляется в таком разе, тому малолетнему «антиквару», что выменяв в местной поликлинике карболитовую настольную лампу сталинских времён на современную, прийдя домой, разобрал её до винтика, чтоб прочистить все контакты, да так и не

[I] Положительной, т. е. альтруистической, инверсиею той же самой степени глупости, что закономерно привела охальников-карикатуристов из «Шарли» к их печальному концу, выступает, умиляющая наших современников в докапиталистическом представлении о нравственности, запредельная (и оттого, за полной ненужностью кому бы то ни было, выведшаяся уже на ранних стадиях капитализма) честность присущая, в частности, тому священнику из глухой вюртембергской деревни, о котором рассказывает в одном из своих эссе Генрих Гессе (привожу эту быль по-памяти, за отсутствием под рукою непосредственного источника). У этого pater'а во время наполеоновского владычества французский офицер изъял всё столовое серебро, накопленное им в довоенные времена. На следующее утро после отъезда офицера, священник обнаружил, что тот позабыл у него ложки из изъятого сервиза. Не долго думая, pater запряг свою бричку и отвёз оные ложки офицеру, находившемуся уже за несколько миль от той деревушки. И решительно прав Владимір Иванович Даль, поместив в своём словаре несколько циничную русскую пословицу: «Храброго ищи в тюрьме, а глупого — в попах»!
Вообще, забегая вперёд, можно с уверенностью утверждать, что любая степень сложности обстановки, кроме разве что простейших, предполагает, наряду с правильным поведением, количество вариантов коего сравнительно мало, поведение неправильное, ошибочное, количество вариантов которого, чаще всего, ввиду его разветвлённости, значительно больше. Следовательно в пространстве-времени нет такого места, где бы Бытіе не предоставило способности решать Dasein'а (а значит, и мышлению о мере, т. е., по-гречески, λογισμοσ'у) возможности выбора, ограничив кругозор Dasein'а горизонтом смерти.
«На одного умного приходится тысяча глупых и на одно умное слово приходится 7000 глупых и эта тысяча заглушает, и потому так туго продвигаются города и деревни. Большинство, масса всегда остаётся глупой, всегда она будет заглушать; умный пусть бросит надежду воспитать и возвысить её до себя; пусть строит жел[езные] дороги, телеграфы, телефоны и этим он победит и подвинет вперёд жизнь» — пишет Антон Павлович Чехов в своём дневнике за 1895 год. Но он прав лишь, если иметь ввиду краткосрочную перспективу сего продвижения. Ибо, в долгосрочной, технический прогресс, сильно усложняя обстановку, в которой приходится делать выбор, слишком мало отодвигает горизонт смерти, вызывая у Dasein'а желание (непреодолимое для большинства) переложить решение на плечи машины, пока что далеко не полностью им усвоенной. Когда же это усвоение наконец завершится, горизонтом смерти ноосферного общества, сущего в качестве Dasein'а уже Всеединого Человека, будет сам факт всё увеличивающегося ускорения времени. Причём міровое еврейство, при всех своих мелких внутриэтнических дрязгах, обрело за двадцать пять столетий рассеяния столь высокий уровень национальной солидарности (весьма завидный и пока недостижимый для других народов), что, можно смело утверждать: из всех народов міра, еврейство ближе всего подошло к цивилизационному пределу... нет, не Всеединого Человека («человек» на иврите: «адам»), но, скорее, Всеединого Агасфера, поскольку Агасфер и есть, собственно, «адам», в чьё естество въелось злопамятство, в самом широком значении этого слова.

смог собрать обратно без посторонней помощи.
Но продолжив разбор исследуемого предмета, что называется, «до победного конца» и вскоре, следовательно, совсем утеряв целое из виду, посредственность неизбежно задаётся вопросом, существовало ли оно и все его основные составляющие в действительности, или, быть может, привиделось. И отвечает: «да, привиделось», поскольку чувства горе-исследователя, в силу продолжительного сытого мира, не получают от судьбы никаких всамделешне весомых тумаков и к тому ж изрядно пресыщенны всякого рода излишествами. Таково ныне toto genere состояние дел с онтологией на Западе, поскольку именно таков по сути результат деятельности структуралистов, коих, на мой взгляд, было бы правильее называть деструкторами. Пишу: «пресыщенны излишествами», памятуя, что этим миром мгновенно воспользовались ушлые еврейские дельцы, под эгидою фрейдизма развернув навязчивую пропаганду излишеств в половой сфере, что принося им немалый гешефт от лечения сильно возросшего количества вензаболеваний, ещё больше усугубило и без того плачевное положение с ростом общего инфантилизма сознания среднего западного обывателя.
Так что радуйтесь по-детски всякому мирному дню и всякой уютно зеленеющей лужайке между любыми двумя домами, но не надейтесь, что такое положение продлится сколь-нибудь долго.

«времени уже не будет»

Впрочем, едва ли описанный выше узколобый эгоцентризм присущ самому вернему (преимущественно еврейскому), не любящему публичности, слою всемірного олигархата — эти люди, чьим девизом от века была фраза: «деньги любят счёт и тишину», как правило, слишком расчётливы и осмотрительны, чтобы верить в подобную ерунду. Однако олигархи рангом поменьше (вроде покойного Березовского, в частности) вполне могут придерживаться столь ограниченной точки зрения. Нет, движущий императив высшего слоя всемірного олигархата состоит отнюдь не в банальном стремлении смыться от преследователей с уворованною кассой (ельцинское: «берите себе суверенитета, сколько сможете унести»). Их имератив — в том, чтобы на правах незаменимых советников и спонсоров тихо присосаться — а присасываются они покрепче любой пиявки! — к чьей-нибудь большой победе, присвоив бóльшую часть её плодов, и таким образом присвоить итоговый продукт усвоения победителем могущества побеждённого, посредством соучастия в финальной стадии битвы (трумэново: «если мы увидим, что войну выигрывает Германия, нам

следует помогать России, если будет выигрывать Россия, нам следует помогать Германии; и пусть они как можно больше убивают друг друга»). Ведь этот слой отлично знает, что на деле означает фраза того же «Откровения»: «победитепль наследует всё». Оттого их точка зрения это — вовсе не простой и потому изначально ложный, эгоцентризм, но эгоцентризм соотнесённый с ильенковско-веллеровскою философией, точнее, встроенный в эту философию в качестве подчинённой составляющей. То есть эгоцентризм становится ложным только тогда, когда он перестаёт подчиняться целокупному понятию победы, становясь совершенно самодовлеющим. Высшие олигархи хотели бы господствовать над планетой целиком и как можно дольше, вплоть до конца наличного міроздания.

Однако этому их желанию препятствует самая сущность капитализма, что немыслим без возможности бегства мошенника с уворованной кассой, поскольку капиталист всегда живёт не по наличным средствам, но с совокупным превышением текущих расходов над этими средствами, — т. е. капитализм немыслим без неусвоенного иного. В силу этого, начатый промышленным переворотом XIX века, процесс усваивающего поглощения экономикой США всех прочих экономик планеты, логичным завершением коего должно было бы стать планетарное государство, не может быть завершён в рамках капиталистической системы, поскольку такое его завершение означает необратимое погребение указанной системы под обломками многообразных лопнувших афёр. Их раздувание служит искусственному разделению экономически уже единого міра на отдельные, якобы независимые от управляющего центра, рынки-сегменты, без ограниченного (прежде всего, угрозой полномасштабной міровой войны) конкурентного противоборства коих невозможна биржевая спекуляция, выступающая выражением и ширмой всегдашней капиталистической спекуляции трудовыми ресурсами, пока эти ресурсы остаются естественными существами, а не биороботами, несравнимо полнее и потому беспристрастнее, нежели естественный человек, отдающими себе отчёт в собственных способностях (сравнительно небольших, в отрыве от сети подобных же существ) и потому не подверженных ни иллюзии узкого эгоцентризма, ни её положительному эквиваленту — безбрежному гуманизму. Следовательно, переход к плановой, по сути, экономике будет одной из существенных сторон хайдеггерова Ereignis'а (речь о котором чуть позже), ибо, если такового не произойдёт, непомерный эгоизм позднего турбокапитализма очень скоро пожрёт, подобно червю в яблоке, экосистему Земли (см. всё тот же рассказ о Цыпине), так и не дав взамен ничего дельного. Мне могут возразить следующее. Древнегреческий учёный Герон Александрийский был во II веке нашей эры на волосок от изобретения парового двигателя, но даже изобрети он его тогда, это не положило бы начало промышленному перевороту в античном міре по причине дешевизны рабского труда в эпоху расцвета Римской империи; изобретение Герона так и осталось бы не более, чем помпезной игрушкою для фабрикации «чудес» в руках языческого жречества. Судя по всему, в настоящее время средний слой высшей буржуазии Западного міра был бы не прочь воспрепятствовать развитию роботехники, угрожающей самому существованию капитализма, тем же ровно способом, а именно, всемерно поощряя гастарбайтерство из так называемых «развивающихся стран» в страны с высоким уровнем жизни и, следовательно, частично погрузив последние в этакое «новое рабовладение». На что я отвечу: трюк этот едва ли прокатит, в силу того, что античность, в отличии от нынешней эпохи, вовсе не знала оружия массового уничтожения, получение которого многочисленными консервативными режимами полунищих «развивающихся стран» может, в краткосрочной перспективе, привести к самым ужасным последствиям для человечества в целом; как не знала она и нынешнего, воистину циклопического, развития средств связи и массовой информации, а эти средства, оказавшись в

распоряжении идеологов из числа полунищих, почти сразу же приведут к резкому взлёту насквозь пропитанной завистью пропаганды средь гастарбайтеров насилия и ненависти ко всему образу жизни зажиточных стран, — приведёт даже в условиях поголовной прослушки всех разговоров спецслужбами сих стран, ввиду невозможности оперативно проанализировать столь огромный объём информации без помощи искусственного разума (к разработке коего ещё, считай, и не приступали, так как от этой машины требуется не только колоссальное быстродействие, но и, без преувеличения, совершенное знание всех наиболее употребимых языков нашего міра, включая их сугубо разговорный аспект), наделённого способностью суждения, многократно превосходящей способность суждения естественного человека. А главное, чего не знала античность, так это объективного перенаселения планеты, которое, при сохранении нынешнего уровня потребления в зажиточной части міра, неминуемо приведёт к войнам на уничтожение из-за жизненно важных ресурсов между этой частью и частью полунищей — войн осуществляемых преимущественно с помощью роботов, так как западный обыватель уже почти разучился воевать, основательно впав, как уже было здесь сказано в связи с терактом в редакции «Шарли Эбдо», в детство из-за постоянного сибаритства в условиях долгого мира. С другой стороны, взращивая в полунищих странах крайние идеологии различных толков и стравливая эти толки друг с другом, нельзя добиться общего сокращения численности населения сих стран, но — только наплыва в зажиточные страны многочисленных толп ещё более обнищавших гастарбайтеров, которые, не оставляя своих крайних взглядов, продолжат размножаться прежними темпами уже за счёт их приютивших работодателей, что, собственно, и получил Запад к настоящему историческому моменту. Снизить же уровень потребления зажиточных стран, без ликвидации капиталистической формации, невозможно, в силу избыточного характера самого производства на всякой стадии капитализма, не говоря уж о турбокапитализме. Короче, частичного погружения Запада в «новое рабовладение» никак не получится. Возможен лишь Ereignis, либо новая полномасштабная міровая война, со всеми вытекающими катастрофическими экологическими последствиями для планеты в целом. В самом деле, ни міровая война не может быть результатом Ereignis'а, коль скоро Ereignis ликвидирует её основные причины (именно международную напряжённость, вызванную мошеннически искусственным разделением экономически уже единого міра, что, в свою очередь, было порождено общим кризисом капиталистического перепроизводства, помноженным на узколобый эгоцентризм западного человечества); ни Ereignis, мгновенно полагая начало плавному переходу планеты к ноосферному обществу, не может быть следствием міровой войны как таковой (хотя и может явиться побочным нежданным результатом военных приготовлений[II]), поскольку она, даже при наименее разрушительном её исходе, наверняка уничтожит все его вещественные предпосылки, снова ввергнув мір в

[II] Помню, на рубеже прошедшего и нынешнего столетий какие-то увлекающиеся футурологией доморощенные астрологи утверждали, что около 2015 года произойдёт (скорее случайно, чем по чьему-то злому умыслу) атомная катастрофа, по мощности многократно превосходящая Хиросиму и Нагасаки, последствия которой будут столь чудовищны, что политики всего міра сразу же пойдут на полный запрет всех видов ядерного оружия и полную разрядку международной напряжённости. Я охотно поверил бы, что Ereignis может осуществиться таким способом, если бы степень цинизма и авантюризма крупных политиков существенно не превосходила таковую же кадровых военных (ещё сохранивших какое-то представление о чести): пилот бомбардировщика, сбросившего атомную бомбу «Толстяк» на мирно спящий Нагасаки, увидев кинохронику с описанием последствий им содеянного, вскоре сошёл с ума из-за угрызений совести — в отличии от президента США Гарри Трумэна, отдавшего сей ужасный приказ, так же легко, как за два с лишним года до этого он отдал приказ о ковровой бомбардировке не имевшего никакого военно-стратегического значения Дрездена, когда свыше четверти миллиона мирных

удельную раздробленность раннего Средневековья. Впрочем, здесь надлежит сделать не маловажную оговорку: экономически единым наш мір в полной мере можно признать лишь в отношении циркуляции финансовых потоков, поскольку очень многие высокотехнологичные товары бытового назначения зачастую не пользуются спросом в «развивающихся странах», будучи не по карману тамошним людям среднего достатка. Эту недостачу прибыли с самого ходового вообще-то товара промышленник зажиточной части міра вынужден от части восполнять продажей современного и устаревшего оружия правительствам «развивающихся стран», безотносительно степени легитимности и прогрессивности сих правительств; также частично восполняется она и совсем уж нелегальным путём: «крышевание» наркомафии полунищих стран, сбывающей готовый уже наркотик полунищим обитателям стран зажиточных, также приносит олигархату последних громадный доход (по некоторым данным, до 50% денег, циркулирующих в міровой финансовой системе, составляют деньги, связанные так или иначе с наркоторговлей; ещё до 20% их, по самым приблизительным выкладкам, связанны с торговлей оружием). Не учитывая данной оговорки, нельзя понять, как стало возможным искусственное разделение нашего міра на псевдо-независимые сегменты. Ибо бóльшая часть однозначно уже усвоенного в ходе упомянутого выше усваивающего поглощения США экономик планеты носит ярко выраженный характер афоризма.

Олигархи высшего уровня не могут не быть, в глубине души (Gemüt'a), социалистами ровно в том смысле, в каком социалистом был Гитлер, как известно, строивший сугубо социальное государство для немцев с таким громадным превышением расходов над наличными средствами, что только міровое и при том непреходящее господство могло бы спасти III Рейх от краха в следствии дефолта. Так под это господство, как финальную цель, всё в Рейхе и было «заточенно» — тут уж, как говорится, или пан, или пропал... Гитлеровское государство должно было быть предельно социальным, поскольку, претендуя на максимальную долговечность, оно должно было стремиться к максимальной классовой стабильности. Ибо стабильным называется, если говорят о чём-либо живом, неизменное в своей сушности (ουσι'и). Конрад Аденауэр, по сути, тем и велик, что после Войны сделал всё, чтобы сохранить оставшиеся от Рейха социальные блага для трудящихся, сверхбыстрыми темпами, будучи уже не углублением этого осознания, но только распространением его на все сферы жизни. Живым же, т. е. тем, из чего по преимуществу складывается именно жизнь, а не долговременный покой или же

жителей в одну ночь сгорели заживо, — отдал просто в целях устрашения противника, отдал, не боясь когда-нибудь оказаться на одной скамье подсудимых с гитлеровцами! Спрашивается, можно ли напугать столь опытную шлюху видом мужского фаллоса, пусть даже и очень большого?! То есть некоторые из правителей могут с перепугу, что называется, «сдать игру» вероятному противнику, — сдлал же, в самом деле, М. Горбачёв Западу СССР «с потрохами» за умеренную мзду! — но это будет лишь следствием ничтожества режима помноженного на индивидуальную подлость правителя, а вовсе не следствием действительной перемены общего хода мысли (μετανοι'и) всеми участниками соглашения, ибо те, кому игра будет сдана останутся, в качестве победителей, при своём прежнем (грабительском, в общем) образе мыслей и действий, вопреки ожиданиям сдавших. Прибавьте сюда ещё и то не маловажное обстоятельство, что восприятие современного человека чем дальше, тем больше взращивается на компьютерных играх, со всею иллюзорностью их визуального ряда, когда, в отличии от естественной среды обитания, всякое действие, всякий ход может быть откатан назад безо всяких последствий для игрока и для искусственной среды, в которой ведётся игра, что, разумеется, не может не сказываться на общей адекватности восприятия... Так что данное футурологическое предсказание нельзя воспринимать сколь-нибудь серьёзно. И я, следовательно, не могу с точностью указать путь, которым придёт Ereignis, если он вообще придёт, как, думаю, никто под Луною не в силах указать его...

сугубый хаос, с его всегдашней броуновской толчиёю, именуется то, что постоянно несёт причину своего движения в себе самом, а не получает её из вне (§ 30 «Теологии» Прокла Диадоха). Значит, будучи распространён на все сферы жизни, на которые он только может быть распространён, взгляд Вечного Возвращения, в силу того, что единственным способом (τροπος ὑπαρξιος) выполнения Вечного Возвращения выступает усвоение иного, необходимо расширит понятие (ειδος) живого на то, что ранее живым не было, ибо произойдёт усвоение прежде иного этому понятию. Верхним пределом указанной тенденции, стирающей и без того относительную границу между живым и не-живым, выступает возрождение из пепла целых міров, тогда как её первым плодом всегда бывает машина, обладающая возможностью самообучения, а первою машиной такого рода, т. е. машиной, полностью выполняющей понятие (ειδος) машины, выступает механизм государства, который, таким образом, есть первое законченное выполнение Вечного Возвращения в качестве последней цели Мірового Духа.

А что такое Вечное Возвращение с точки зрения единственного способа его выполнения, т. е. с точки зрения усвоения? Это, прежде всего, знание Творцом своего творения в качестве усвоенного иного, когда иное, будучи поначалу не познанно, познаётся по ходу его развёртывания, т. е. проработки конкретных деталей (подробностей). Другой порядок невозможен, поскольку всякий творец ограничвает полноту своего могущества (Die Macht) творением, т. е. полаганием иного.

После совершенного осознания того, что государство, со всей его машинной сутью, есть первое законченное выполенение цели Мірового Духа (термин Э. Ильенкова «Мыслящий Дух», как ни крути, — тавтологичен, так как совсем не учитывает сплошность (Totalität) своего предмета), любое творчество будет либо созданием очередной машины для распространения власти человека на очередную сферу жизни (природы иль социума — тут уже полностью безразлично), либо снобизмом, т. е., по-Кожеву, симуляцией деятельности по углублению и без того достаточно глубокого понятия последней цели исторического развития, либо, наконец, разъяснением этой цели каким-либо профанам. И, поскольку полноценным творчеством является только первое из перечисленного, то вполне логично думать, что история завершится совмещением машины и человека (в качестве мыслящего существа) в субстанциальной форме биоробота, прогрессирующего, по прежним меркам, невероятно быстро, в силу полного осознания своей цели — власти над всем окружающим и средства к её достижению — машиностроеиия и технологии, в самом широком значении сих слов. Этот момент диалектического снятия противоречия между органической жизнью с одной стороны и самодвижной техникой — с другой и будет (независимо от того, станет ли в дальнейшем эта техника намеренно уничтожать органическую жизнь или нет) тем моментом триумфального возвращения Бытія (Seyn) в онтологическое сознание всякого мыслящего существа, который Хайдеггер называл Со-Бытіем (Ereignis'ом), т. е. «воссоединением с Бытіём (Seyn)», после которого ошибка простого эгоцентризма станет уже невозможной для всякого взрослого ума. Ибо тогда для всякого серьёзного мышления станет с величайшей наглядностью ясно, что сложность организации материи, которая только и отличает живое от не-живого и, далее, мыслящее от не-мыслящего, определяется лишь количеством степеней свободы, коими эта сложность обладает. Но наращивание степеней свободы только и возможно, что через полагание иного, попечительное (т. е. не посягающее на сущностную автономию иного, выступающую как его особенное) взращивание иного и усвоение иного. И, следовательно, в уже приведенной мною берштейновой формуле «движение — всё, конечная цель — ничто», «движение» есть только другое название для времени (Zeit), что, по меткому выражению отца-

основателя философии Фалеса, «всё открывает», а «ничто» — такое же другое название для Бытія в его не-сокрытости (Αληθει'и) от свободного творца, т. е. от того, кто всегда готов изменить свой ум (μετανοια) для вновь усвоенного иного, сам при этом не превращаясь в полную себе противоположность. Так что времени до конца наличного міроздания (и, значит, до замыкания круга Вечного Возвращения) и в самом деле останется тогда очень мало.

Впрочем, хайдеггеров экзистенциализм, как и вообще всякий экзистенциализм, есть дегенеративное по своей сути явление. Пишу: «дегенеративное явление», так как здесь, из-за подхода автора к природе с вовсе чуждым ей мерилом человеческой морали, произошло ничем не оправданное усложнение онтологического учения, что привело, с одной стороны, к выдумыванию этим учением небывалых на деле, причудливых химер, а с другой — к выпадению из его поля зрения простых, но весьма важных фактов. Ставя в вину косному, но тем не менее энергоизбыточному, человеческому разуму его неспособность во многих случаях к свободному выбору, т. е. невозможность в должной мере отследить угрозы и выгоды от последствий того или другого поступка, экзистенциализм не приемлет того простого факта, что косность разума большинства есть следствие не изжитой до конца животной природы вида homo sapiens. Нет, не может быть на роде человеческом той полновесной вины, которую возлагают на него экзистенциалисты! Ибо взросление рода человеческого ещё не завершено, а как можно требовать всей полноты ответственности с не вошедшего ещё в полноту разума несовершеннолетнего? Но такая мера ответственности будет непосильной для разума и после Со-Бытія, когда это взросление в основном завешится, поскольку и тогда останется в силе знаменитый тезис Блеза Паскаля о том, что «конечный мозг не в силах познать бесконечное», т. е. ошибки, связанные с требованием внутренней непротиворечивости суждения, бутут совершаться и тогда — уже на основании голой спешки, пропускающей, вроде бы маловажные, звенья логической цепочки по ходу подбора доводов. Ибо как может не страдать непоседливостью, пусть и в самой небольшой степени, ум (Geist), если всякий ум изначально энергоизбыточен, поскольку онтически предшествует жизни (см. мой <u>очерк «Михаил Веллер и нигилизм»</u>)?! То есть, если он не энергоизбыточен, то живым он тоже признан быть не может. Итак, возможность ошибки неискоренима в принципе. А значит, нет и вины, неизгладимой путём перемены точки зрения. Иначе предётся раз и навсегда постравить жирный косой крест на всей диалектике Вечного Возвращения. Ведь когда, по прошествии мириад столетий, вернётся вся та обстановка, в которой была допущена мной вчерашняя ошибка, я, возможно, смогу избежать повтора ошибки, поскольку учту то, что не учёл в своём расчёте вчера. Ибо разум отделён от вещей тончайшим, как волос и упругим, как новая резина, слоем Свободы, которая есть ничто (μηον) в отношении вещей, а в отношении разума — не-сокрытость (Αληθεια) Бытія, понятого как полнота всех, только лишь возможных, событий міра (т. е. полнота всех возможных комбинаций в «калейдоскопе» пространственно-временного континуума). Я, конечно, могу допустить тогда другую, ещё менее заметную на первый взгляд, ошибку, чем недопущенная. Ибо то, что недопущенная ошибка стала видна взору моего разума, произошло не столько из-за того, что я желал этого, проявив осторожность в расчёте — хотя и это, несомненно, имело место, — сколько из-за Бытія, по своему почину, на миг приоткрывшегося для меня, а этой моей мгновенной проницательности уже может не хватить для узрения возможности иной, чуть более тонкой или чуть глубже залегающей, ошибки. Короче, совершенно прав превосходный буддолог и очень умеренный либерал Александр Пятигогрский, из речи в речь с маниакальным упорством повторявший: «мышление именно случается, а не пребывает с мыслящим постоянно». Мириады же столетий

пролетят для ума, разобранного на мельчайшие части тем, что обыденный рассудок принимает за всеконечную гибель, столь же незаметно быстро, как пролетает обычная ночь для спящего крепким сном труженика. Стало быть, в самом полагании экзистенциалистским учением этой неизгладимой вины наличествует, в свёрнутом виде, отрицание эволюции жизни, т. е. антидиалектический взгляд на историю мірозданья. Жизнь же, всегда пребывая в движении, не может не эволюционировать от простого к более сложному, поскольку её развитие есть накопление степеней свободы, выполняемое лишь посредством усвоения, отчуждённого Творцом в начале, иного, в качестве своего иного; и, следовательно, многообразие и членораздельность функций живого организма могут быть только результатом, сущей во времени, взаимомоподгонки особенного. И если Хайдеггер упрекает людей Запада в полной утрате Бытія из поля зрения и, как следствие, в забвении Бытия (Sein), т. е. сущего в его целокупности, то самого Хайдеггера можно с не меньшим основанием упрекнуть в непочтении к сущему. Ведь Бытие, будучи чем-то наличным, а не голой потенцией, тем самым уже причастно жизни как длению сущего во времени и пространстве. Значит, в качестве метода построения диалектики, экзистенциализм должен быть заменён энергоэволюционизмом, поскольку лишь этот последний делает правильные, большей частью, выводы из тех же ровно посылок, из которых экзистенциализм сделал выводы ложные. С другой стороны, регулярная подмена властьпредержащими представления об ответственности представлением о неизбывной вине это — типичный приём в духе иезуитов, применяемый для предотвращения появления из низов новых лидеров, не зависимых от прежней верхушки. Результатом успешной подмены сих представлений в головах подвластных, несомненно, выступает общий рост πaθoφoβι'и, при том, что текущее управление отупелою, т. е. почти лишившейся самостоятельного мышления, публикой несказанно упрощается. Именно этот приём применила всемірная сионистская финансовая верхушка к германскому народу по итогам II Міровой войны в качестве упредительной меры против возрождения национал-социализма в целом, а не только его негативных ценностных аспектов, — до такой степени міровое еврейство было перепугано одной только мыслью о возможности повторения геноцида. Но именно подменою этих, во многом смежных, представлений в экзитстенциалистской стороне своего учения обязан Хайдеггер тому, что его популярность после II Міровой не увяла, как следовало ожидать, исходя из факта нераскаяния мыслителя в причастности к национал-социалистическому движению, но, напротив, только возросла сначала до европейской, а потом и до всемірной. Просто его экзистенциализм попал в струю общего умонастроения Запада, которое аккуратно пествовала, возглавляемая евреями, всемірная финансовая верхушка — тогда, в середине 50-х, она очень опасалась что, увеличение свободного времени в распоряжении стремительно растущего в благосостоянии европейского обывателя приведёт к увеличению числа независимо мыслящих людей, а это в конечном счёте обернётся требованием ограничить власть биржевиков (так что основным мотивом разрешить широкую пропаганду излишеств половой сферы стала для правителей необходимость заполнить высвободившееся время среднего обывателя чем-то безопасным в смысле распространения вольнодумства). И кем, наконец, если не рупорами мірового еврейства были возлюбленная ученица мэтра, Ханна Арендт и другой его прилежный ученик, упоротый троцкист Герберт Маркузе?..

Но отвлечёмся не надолго от чисто онтологической стороны предмета... То весьма тревожное обстоятельство, что, по точному замечанию Макса Кантора, вера в социализм, т. е. вера в выполнимость для общества в целом принципа «homoni homo deus», в существенной мере вытеснена ныне верою в геополитику, т. е. верою в неотменимость, всегда аморального по своей сути, отъёма у иного (Другого) его

«Lebensraum'a», сводимой, в сухом остатке, к вере в незыблемость принципа «homoni homo lupus», — обстоятельство это, несомненно, стало следствием значительного роста в так называемом «цивилизованном» міре нигилизма относительно самого понятия усвоения иного. Ибо что такое есть в ближайшем приближении нигилизм, как ни глубокое разочарование в существовании какого-либо понятия (ειδος'а)?.. Геополитика же an sich невозможна без постоянного стремления противоборствующих сторон к выходу за свои начальные пределы с непременным полным уничтожением всего препятствующего этому, на том основании, что «Боливар-де не вынесет двоих»; а он и в самом деле двоих не вынесет, поскольку те вовсе не намерены теснится, жертвуя всяким комфортом, прижавшись друг к дружке, но, напротив, хотят ехать с тою же мерой удобства, что и единственный «седок». Оттого мир для геополитического сознания возможен лишь через освоение иным какой-то пустоши, с последующим отмежеванием ото всего того, что не есть оно само, включая своего творца, но не через усвоение как таковое. Так что отнюдь не ошибётся тот, кто определит геополитику собственно, как идеалогию полунищих, которые, будучи одержимы лютой завистью, решили во что бы то ни стало стать богатыми. Прибавьте сюда и то, что, в условиях турбокапиталистической абсолютизации денег в качестве универсального товара, когда их покупательная способность может снижаться и рости прямо на глазах, не будучи привязана ни к чему по сути, кроме довольно зыбкого общественного договора об этой способности, сами богатые стали до некоторой степени ощущать себя «полунищими», поскольку оказались неспособны в должной мере управлять изменениями сего договора... Но совокупность многочисленных факторов (в подробностях говорить о которой здесь излишне), определяющих характер сего договора, не могла бы сама по себе принципиально увеличить степень зыбкости оного, если бы не ускорилось самоё время. Поскольку, как таковая, данная совокупность не претерпела каких-либо значительных изменений с конца 80-х годов прошлого столетья.

Однако, идём далее. Ежели учесть, что время есть априоная форма созерцания (Иммануил Кант) и что предметом этого созерцания всегда выступает развёртывание вечности, то вполне логичным представляется допущение, что время, по мере приближения конца міра, будет (почти по теории Николая Козырева) всё больше и больше ускоряться. Ведь уже Плотин — который, как истинный эллин, всегда мыслит зримыми иль даже осязаемыми образами — говоря, что время есть образ вечности, имеет в виду именно созерцание вечностью в её понятии (ειδος'е) собственного развёртывания в ином, где финальным моментом развёртывания всякой части (т. е. детали) выступает усвоеиие её вечностью, как совокупной полнотою (πληρωμ'ою) всех частей. Но если время в-дальнейшем будет только ускоряться, то едва ли ультра-косервативной части властьпредержащих, ориентированной сугубо национально, удастся противостоять размыванию и, под конец, фактическому упразднению суверенитета своих стран, поскольку общее их предсталение о протяжённости окружающего міра безнадёжно устарело — какими бы благородными ни были их ценности!.. Дело в том, что правильность какого-либо представления зависит не только от свойств породившего его предмета (Ding an sich), но, не в меньшей мере, и от таких, сугубо субъективных, факторов, как интенсивность схватывания и проницательность способности суждения, каковая, в свою очередь, слогается из средней скорости подведения многообразного схваченного под общее правило и обычной меры верности выбора сего правила из нескольких возможных. В головах же ультра-консервативной публики факторы эти, как всегда, не претерпят немедленого изменения, соответствующего изменению своего предмета — такова уж особенность всякого существенного консерватизма, который оттого ориентируется преимущественно на прошлое, что зачастую не поспевает за изменениями настоящего.

Впрочем, представления среднего обывателя о протяжённости, ввиду общего его скудоумия, едва ли сильно отличаются по степени консерватизма от аналогичных представлений ультра-консервативных правителей. И если обыватель на «ура!» принимает те или другие технические вошества, то это вовсе не означает, что за «деревьями» оных новшеств он чётко усматривает наличие «леса» — ускорения самого времени, а не только бросающегося в глаза ускорения жизни общественной, как таковой. Я употребляю здесь слово «скудоумие», ибо только оно, на мой взгляд, обозначает в русском языке, прежде всего, узость кругозора, устранимую вообще-то самобразованием и воспитанием (ежели говорить о детях), а уж затем — непоправимую глупость или столь же непоправимое отсутствие памяти, ставшее для некоторых основной причиной такой узости. Видный русский философ Александр Зиновьев, в своём «Глобальном человейнике», пишет об этом скудоумии так:

«Если бы Фрейд появился теперь, он не стал бы выдумывать психоанализ, ибо никакого подсознания во фрейдистском смысле в психике человека просто нет и не было никогда. А то, что Фрейд якобы открывал как таинственное подсознание, было нормальным сознанием человека. Оно было лишь аморфным и фрагментарным. Люди не могли его оформить логически или не нуждались в этом, скрывали и приукрашивали его в силу внешних обстоятельств их жизни. (...) Внутренний мір человека в принятом возвышенном смысле никогда не существовал в реальности и не существует теперь. Он был выдуман небольшим числом гениев, а идеологи истолковали это изобретение как нечто реально существующее и приписали это всем людям в качестве некоей божественной души. (...) Я представил себе наших далёких предков, сидящих вокруг костра и тупо уставившихся на огонь. В их приплюснутых черепах вяло шевелились примитивные мысли. А далеко ли мы ушли от них?! Наш мозг развивался вовсе не для создания богатств внутреннего міра, а лишь для борьбы за богатства міра внешнего»[III].

Стало быть, даже сравнительно небольшого, но широкомасштабного обнищания достаточно, чтобы ушлые ультра-консервативные демагоги смогли овладеть расположением перепуганного обывателя-скудоумца и, сыграв на его самых примитивных чувствах, одержали вполне легальную победу на парламентских выборах.

А если дело с общим скудоумием среднего обывателя обстоит лучше, чем о том думал А. Зиновьев, то каким, скажите, образом даже в крупных городах планеты дожили до наших дней древнейшие суеверия насчёт сглаза и порчи, вера в домовых-«барабашек», астрология и прочая противонаучная чепуха; каким образом наконец, у базарных напёрсточников до сих пор не перевелась обильная клиентура, всерьёз верящая в возможность крупного выигрыша в их, старой, как мір, игре-обманке? Ведь, даже учитывая колоссальную рекламу игорных и гадальных услуг разного рода аферистами, невозможно отрицать, что во-первых, именно спрос рождает предложение, а не наоборот; во-вторых, никакая, самая настырная, реклама подобных услуг не возымела бы сколь-нибудь серьёзного эффекта среди людей

[III] Думаю, по этой же причине и Пятигорский называет метод Фрейда «последней [вполне самостоятельной] рефлексией европейского антропоцентризма». Ибо что, если не антропоцентризм, будучи лейтмотивом всего Просвещения, помешало Фрейду усмотреть преобладание до-человеческого над собственно человеческим в голове обывателя, коль скоро анторопоцентризм всегда склонен a priori рассматривать всякий ум именно как человеческий разум, т. е. как наличное бытие человеческого ума? Меж тем, как чётко формулирует Михаил Веллер, «человек наделён от природы не разумом, но лишь способностью к разуму» и таким образом всякому существу, рождённому в облике человека, и всему человечеству в целом ещё только надлежит войти в разум, проделав нелёгкий путь взросления.

действительно хорошо образованных. Но довольно об этом. Ибо мною уже досточно убедительно показанно: правители-ультра-консерваторы и выдвигающий их распропагандированный невежа-обыватель, это, в общем, — именно те социальные силы, которые, не поняв, насколько ускорилось время, коим они привыкли так легко оперировать в своих расчётах, могут быть ослеплены παθοφοβι'ей настолько, что запросто втянутся (даже если правители сии лишатся к тому моменту существенной доли экономического суверенитета) в водовот событий, ведущих планету к полномасштабной термоядерной катастрофе.

«Полное гнева, оно неслось, буровя землю, грохоча, гудя и стеня и по временам изрыгая из себя какие-то глухие, каркающие звуки. Хотя оно было ещё не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели и метались по полю, не находя дороги в город. Оно близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой. Наконец земля затряслась, солнце померкло... глуповцы пали ниц. Неисповедимый ужас выступил на всех лицах, охватил все сердца. Оно пришло... В эту торжественную минуту Угрюм-Бурчеев вдруг обернулся всем корпусом к оцепенелой толпе и ясным голосом произнёс: «Придёт»... Но не успел он договорить, как раздался треск, и бывый прохвост моментально исчез, словно растаял в воздухе. История прекратила течение своё».

...Что за таинственное в своей нежданной неотвратимости «оно» положило конец истории города Глупова в поистине провидческой повести М. Е. Салтыкова-Щедрина? В моём прочтении этого сюжета, Глупов, его скудоумные обитатели и ультра-консервативный градоначальник исчезли с лица Земли из-за невообразимо, для Угрюма-Бурчеева и его подчинённых, ускорившегося времени. «Было дано, а вы не смогли. / Чучела вы огородные!».

Я отнюдь не утверждаю, что всемірная история непременно закончится столь непродышно мрачно, но и вовсе исключить такого — маловероятного с точки зрения нормального обыденного рассудка — поворта событий тоже не могу. Беда в том, что время сильно уплотняется по ходу своего ускорения, а уплотнившееся время, будучи соотнесено со скудоумием, только множит его, способствуя усвоению умственной суетливости в качестве скверной привычки скудоумца, которая, ввиду её постоянного действия, почти не осознаётся и, потому — почти не выводима; в свою очередь, умственная суетливость ведёт к росту παθοφοβι'и[IV]. Ибо, если во Вселенной полно планет, климатически близких к нашей, где и эволюция жизни, следовательно, пошла по схожему руслу, то никак нельзя отрицать возможность наличия у Творца ещё не одного запасного полегона, где, в случае неудачи здесь, Міровой Дух будет раз за разом повторять попытки замнуть круг Вечного Возвращения, покуда попытки эти не увенчаются успехом. Ведь звёзд, по яркости сопоставимых с нашим Солнцем и планет, близких по массе Земле, а, стало быть, отдалённых от этих звёзд на расстояние такое же, как Земля от Солнца, во Вселенной не так уж мало.

Марат Зуф. Салихов, 17. 6. 2016г.

[IV] У Ницше, напомню, на слова карлика: «...само время есть круг», Заратуштра сердито восклицает: «...не притворяйся, что это так легко!». Тоже самое по сути читаем в «Dies irae» у католиков: «Даже праведник с трудом спасётся», где в оригинале латинское «securus» буквально означает «обеззабо́тится», т. е., по-Хайдеггеру, укроется от заботы о вещах сего міра, почти всегда присущей Dasein'у, по ту сторону вещей, по ту сторону всякого вещественного укрытия, если смертный решится всё же задышать — употреблю здесь прекрасное выражение того же Пятигорского — «разрежённым воздухом своей Свободы», мигом соприкоснувшись с Бытіём. Ибо чем же может выступать эта забота о вещах міра, будучи извечным основанием παθοφοβι'и,

если не ближайшим следствием той «великой «дерзости» (τολμα) к «первичной инаковости» в отношении Бытія, о которой все сколь-нибудь значимые онтологические мыслители высказываются как о чём-то недолжном, но, одновременно, и титанически великом? Ничем, так как основная тяжесть заботы о вещах міра снимается предельным упованием смертного на то, что не знает ни смерти, ни рождения, т. е. не знает в себе инаковости — на Бытіе («...кто надеется на Аллаха и последний день и поминает Аллаха много»). Ибо спасение, ежели рассуждать эсхатологически, всегда, в любой действительно глубокой онтологии, становится результатом Со-Бытія, сиречь тем, что случается со спасшимся не столько по желанию спасшегося, сколько по почину (читай: «по стечению мощи») Абсолюта, т. е., в моём прочтении, Бытія. Самый характерный пример тому, несомненно — Ночь Могущества, положившая началу ниспослания Св. Корана Пророку Мухаммеду в Исламе. «А что тебе даст знать, что такое Ночь Могущества? / Ночь Могущества лучше тысячи месяцев. / Нисходят ангелы и дух в неё с дозволения Аллаха для всяких повелений. / Она — мир до восхода зари» — Коран, Сура 97 «Могущество». Это «что тебе даст знать», т. е. принципиально сокровенный, непостижимый, характер самой возможности Ночи Могущества, возможности Со-Бытія, делает крайне сомнительным экзистенциалистское полагание единственности Бытия-к-Смерти (Dasein'а) в качестве правильного направления человеческого существования. В самом деле, как таковой Dasein не несёт в себе этой непостижимости, т. е. возможности перемены судьбы (τυχη), ибо, будучи инерциальной системой, прочно привязанной к определённой точке зрения, судьба Dasein'а eo ipso столь же неотвратима, как речение кудесника Вещему Олегу: «...примешь ты смерть от коня своего». Нет, правильное напраление человеческому существованию придаёт только Со-Бытіе, которое всегда суть выход за пределы этого существования, за пределы Dasein'а собственно. Таким образом, весь экзистенциальный пафос хайдеггерианства полностью укладывется в известную формулу: «Идея свободы неосуществима, потому что никто не умеет пользоваться ею в меру». Поскольку эта мера, будучи мерою довольно сложного факториала возможностей, не дана ни a priori, ни зачастую даже в проницательности суждения, т. е. не содержится в самом Dasein'е, как обладающем способностью решать (способностью выбора). Но даже обладая надлежащей проницательностью, смертный слишком часто не располагает временем, чтоб высчитать адекватное решение. В самом деле, Бытіе, будучи в отношении вещей міра μηον'ом, а не чем-то определённым, не может являться мерою их. Оно для сущего — только повод к тому, чтобы сменить точку зрения, точку отсчёта на новую, до того не явленную. О чём, сакажите, можно помыслить чётко, если оно, в основе своей, ещё не явленно? Ни о чём. Значит, и мышления о мере определённых вещей в Бытіи, как таковом, нет. Это мышление — результат пребывания вещей в их развитии. И когда Августин Аврелий в «О граде Божием» совершенно верно отмечает, что Всевышний Творец «знает, как я согрешу и как я не согрешу», он тем самым уже утверждает: решение, а значит, и мышление (λογισμος), о мере остаётся за Dasein'ом. Ведь ошибка в целеполагании, просчёт, одним словом (греческое «αμαρτες», ныне означающее «грех», первоначально обозначало «промах выстрела из лука», будучи, следовательно, равнозначно русскому «просчёту»), не может причинить никакого ущерба Бытію, но очень легко может погубить смертного, как такового. Но зная точно лишь о сущем, т. е. уже определившемся в тенденции своего развития, смертный обречён не только на судьбу (τυχη), как на инерциальный характер собственного развития, но и на немышление об иных его путях, пока смертного, как говорится, не клюнет жареный петух: «Non cogitamus, ergo nihil sumus». Тут-то смертный и прозревает другие возможности в их Бытіи. ...Или не прозревает. Короче, не-сокрытость (Αληθεια) случается с ним, как снег на голову, т. е. как что-то заранее немыслимое. Вот почему на деле решимость Dasein'а сводится к его покорности переживанию Бытія, как своего Со-Бытія, которую греки именовали словом «ηθος», т. е. правильный образчик своего присутствия в Бытии. Именно ηθος Посланника придавливает своей почти неподъёмной тяжестью Мухаммеда к земляному полу пещеры в Ночь Могущества, будучи повелением Бытія о судьбе Мухаммеда как смертного. Однако обретённый таким образом ηθος вовсе не делает Мухаммеда обладателем исчерпывающего знания о внутренней причинности Могущества. Этим фактом Бытіе как бы говорит всякому смертному: «добродетель не только и не столько в знании, но преимущественно в ηθος'е». Сказано в суре 33 «Сонмы», аят 21: «Был для вас в посланнике Аллаха хороший пример тем, кто надеется на Аллаха и последний день и поминает Аллаха много», ибо почти неподъёмная тяжесть ηθος'а Посланника сместила на новую точку зрения всю судьбу (τυχη) Мухаммеда, приоткрыв ему, пусть и далеко не полностью, нечто, что стало образцом ηθος'а для всех окружающих. Строго говоря, эта точка была порождена ηθος'ом Посланника, поскольку до Ночи Могущества она вообще не имела своего выражения, а после, благодаря Мухаммеду, — открылась как истина

Бытія. То есть, обладая способностью решать, смертный не обладает истиной, на основании которой должно быть вынесенно это решение. Ею обладает лишь Бытіе в своей целокупности, а его не-сокрытость лишь иногда случается со смертным. А это ещё раз доказывает, что вся экзистенциалистская теория сплошной неизбывной вины смертного, проявляющаяся в заботе, по-просту сказать, шита белыми нитками, поскольку нельзя возлагать всей полноты ответственноти на того, кто обладает лишь неполным, т. е., иначе выражаясь, односторонним, знанием. Всякое же знание, как правильно учит Гегель, есть та или иная односторонность, ибо оно привязано к определённой точке зрения. Помнится, в романе Булата Шалвовича Окуджавы «Свидание с Бонапартом» один из главных персонажей (умерено консервативный помещик-просветитель) утверждает в том смысле, что если бы всякий барин с крестьянами, а начальник с подчинёнными, обращались по-человечески, то ни в каких революциях, заговорах и войнах не было бы нужды, поскольку все общественные противоречия решались бы полюбовно. Но я думаю, что такого «обращения по-человечески» для общества, состоящего более, чем из трёх-четырёх индивидов, по-просту не существует. Ибо как в большем обществе при помощи одних лишь праведных увещеваний, т. е. не прибегая к какому-либо серьёзному давлению или к каким-либо подтасовкам, можно подвести многообразное особенное Dasein'а, в неизбежной односторонности сего особенного, под общий знаменатель максимального действия общества в целом? Никак. Ведь чем больше общество, тем выше совокупный уровень его косности; иными словами, общественная система делается всё более инерциальной. Оттого не удивительно, что всякий правитель, желающий расширить свою власть, но при этом обойтись без видимого насилия, вынужден всемерно потворствовать тем, кто всеми возможными способами низводит кругозор мысли обывателя до уровня ребёнка, ибо кого, как не ребёнка (даже не подростка!) проще уговорить на что-то новое и не вполне продуманное. Впрочем, об этом речь пойдёт в другой раз.

Итак, способность решать — удел исключительно Dasein'а. Значит ли это, что все возможности, сколько бы их ни было, замкнуть круг Вечного Возвращения могут быть упущенны, в соответстствии с правом всякого смертного на ошибку, и, следовательно, мір когда-нибудь окончательно прекратит своё существование? Я считаю такую возможность исчезающе малою, ибо, как было написано выше, всякий ум an sich жив только оттого, что энергоизбыточен, а, следовательно, всегда открыт зову Бытія. Но при очень долгом или вовсе неограниченном времени, даже самая ничтожная возможность когда-нибудь сбывается, — как о том красноречиво свидетельствует история зарождения на Земле органической жизни из не-живых ещё составляющих протобульона. Посему даже великая «дерзость к первичной инаковости», т. е. инаковости Воли к Власти относительно Міровой Воли (читай: «относительно Бытія»), будучи осью полярности всего механизма Вечного Возвращения, пребудет отнюдь не всегда. Но это, пожалуй, лишь только кажется нам, смертным, поскольку иначе придётся также допустить и вполне самопроизвольное возникновение Бытія из полнейшего ничто (εξ ουκ οντον), а, как правильно отмечал ещё Парменид, «Не доказать никогда, / Что не-Бытие существует».

Напоследок приведу некоторые мои соображения о сути трагедии, как драматического жанра. В античности жизнь индивида была столь тесно увязана с жизнью и, соответственно, ηθος'ом общины, полиса, что даже сравнительно небольшое, по нынешним представлениям, выпадение античного человека из ηθος'а немедленно влекло за собой сильнейшую раскординацию Dasein'а индивида, преодоление какового диссонанса и составляло предмет трагедии. Развитие шло так медленно, что для античного самосознания Dasein индивида и общинный ηθος были почти тождественны, а индивид воспринимается как существующий исключительно для своей местной общины. По словам опять же Августина Аврелия, язычники вовсе не умели читать текст про себя, декламируя даже в отсутствии всякого слушателя. С возникновением Римской империи незыблемость общинного ηθος'а была поставлена под сомнение в глазах всякого непредвзятого наблюдателя, поскольку стало донельзя очевидно, что развитие более не укладывается в прокрустово ложе полиса. Полисная мораль отжила своё. Удачной попыткой заполнить образовавшуюся пустоту стало открытие сперва христианства, а потом ислама, в качестве учений о взаимодействии теперь уже исключительно индивидуально понимаемого Dasein'а с міровым ηθος'ом как необходимым условием, которое Бытіе, в качестве божества, диктует (боговоплощение, ниспослание предвечного Корана) Dasein'у для вечного пребывания индивида в Бытии, как Царстве Божием. С этого времени предметом трагедии, которая достигает кульминации развития в творчестве Шекспира, становится изживание греха, как нарушения Dasein'ом нравственного мірового закона. Капитализм же сообщает развитию столь громадное ускорение, что впору уже говорить о начале ускорения времени вообще, а потому смертный вполне закономерно ставит под сомнение незыблемость уже мірового ηθος'а; становясь

нравственным законодателем сам себе, индивид, в качестве единственного Dasein'а, тем глубже погружается в солипсизм, чем сильнее ускоряется развитие уже почти целиком искусственной среды. Торжество солипсизма, поскольку он всегда сводит Dasein всецело к трансцендентальному субъекту, напрочь упуская из поля зрения факт укоренённости Dasein'а в Бытіи, есть всегда следствие оскудения (т. е., иначе выражаясь, постепенной аннигиляции) наличного ηθος'а, а не результат открытия противоположного. Трагедия, в прежнем смысле термина, при этом, разумеется, полностью исчезает, ибо исчезает самоё внешнее Dasein'у, т. е. то, что, так или иначе, не является делом его рук. Остаётся лишь драма недоосмысленного положения, в которое смертный неизбежно ставит себя сам из-за объективной недостачи знания в силу того, что мір вокруг него меняется слишком быстро, а он, увы, не успевает схватить обстановку в её целокупности. Но время есть лишь априорная форма созерцания вечностью своего развёртыванья, а, значит, в драме недоосмысленного положения причиною конфликта выступает не нечто в самом деле внешнее, но — только имеющее форму внешней необходимости в отношении Dasein'а! Следовательно, если, в результате Со-Бытія, противоречие между естественным человеком, поставленным собственным солипсизмом на грань гибели, и искусственной средою, им же созданной, будет снято, то этот синтез будет именно гегелевским синтезом античного тезиса, когда последней целью Dasein'а выступает общинный ηθος, и «средневекового» антитезиса, когда міровой ηθος полагался единственно необходимым условием приобщения к вечности, диктуемым Бытіём Dasein'у, — синтезом, где міровой ηθος и будет, собственно, ηθος'ом всемірной общины, в качестве единственно необходимого условия пребывания всеобщего Dasein'а в вечности. Правда, надежды на то, что такое, поворотное во всех отношениях, Со-Бытіе всё-таки случится остаётся, с каждым месяцем, когда, выражаясь блоковскими словами, «каждый день обиды множит», всё меньше... И, соответственно, растёт вероятность того, что власть, достигнув величайшего могущества в колоссе регионального государства и оказавшись на пороге социалистического преображения всей міровой общественной жизни, напялит на себя нимб богоизбранности и, желая силой научить своему (читай: «единственно правильному») образу жизни, всех живущих по-другому, рухнет в бездну новой міровой войны со всеми невыразимо чудовищными последствиями её, пустив на нужды оной энерию, которая, в условиях мира, могла бы пойти на упомянутое преображение.
Здесь вновь всплывает в памяти Александр Блок:

«В час Рассвета холодно и странно,
В час Рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой
встанет.
Анна встанет в смертный час».

Дева ли Света встанет в последний час Всеединого (через его участие в Бытіи) Человека, что дерзнул быть свободным, т. е. Всеединого Dastin'а, или, по-Штернбергу, «Из замшелой могилы / Восстанет сияющий Гиммлер / И туманом глазниц / Обоймёт Абсолютный Рассвет»?.. Впрочем, Гиммлер тут конечно же — Командор, которого всегда в итоге своего правленья зовут из могилы отужинать с ними обожествлённые полунищей толпою цезари, начисто забыв при этом о Бытіи, где зло, всегда сосуществует с добром как одно из возможных направлений способности решения, ex definitio присущей любому Dasein'у, а пробным камнем для человеческой способности решения предвечно выступает то самое змиево «будете ꙗко бозѣ» из первой книги Ветхого завета, которым завершается развёртывание этой способности во времени. Завершается, в случае мнимого (т. е. фактически преждевременного) обожения, радикальным смертоубийством на почве мании величия, как, несомненно, сильнейшего из заблуждений солипсизма, — тогда как подлинное обожение необходимо замыкает (строго по-Ильенкову) круг Вечного Возвращения, полагая, следовательно, начало новому мірозданию и будучи, по весьма удачному пастернаковскому выражению, «только раствореньем / Нас самих во всех других / Как бы им в даренье».

Надежда умирает последней. Хотя бы возникновение фигуры «Гиммлера» на социальной сцене и было в высшей степени логичным: разобраться с шулерами можно лишь с помощью канделябров, — даже если разбирающийся сам каким-то боком шулер. Но, с другой стороны, если, вопреки всем чаяниям мудрости, Со-Бытія не случится, рост власти непременно завершится смертоубийством, предельно радикальным в своей всеобщности. Именно таков малоутешительный совокупный вывод данного очерка.